

**ХІХ ЕЖЕГОДНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ
«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. РОССИЯ — XX ВЕК»**

Тема конкурса: История моей семьи

**Номинация: Исследовательская работа
ТРУДОВАЯ СЕМЬЯ ДАВЫДОВЫХ – СИЛИНЫХ**

Миргородская Евгения Александровна,
11Б кл., МБОУ «Пировская СШ»

Миргородская Анастасия Анатольевна,
Заведующая школьным музеем

Красноярск, 2018

Оглавление

1. Введение	4
2. Трудный путь Силиных и Давыдовых.....	6
3. Наша семья сегодня	14
4. Заключение.....	16
5. Список литературы.....	17
6. Приложения.....	18

ВВЕДЕНИЕ

История моей семьи очень давняя, и она кровно связана с селом Пировским и Пировским районом. Моя семья происходит из сословия пировских крестьян. Мои предки, насколько нам известно, трудились на земле, были мастеровыми, работающими людьми. Самого старшего из предков мы помним прапрапрадеда Кондратия Давыдова. Он родился по нашим расчетам в начале восемнадцатого века, но точных данных не сохранилось. Проживал он в здешних местах. В моей семье сохранились воспоминания об этом. Также в нашей семье были долгожители. Рассказывали, что один из прадедушек дожил до 114 лет.

Среди моих прапрадедов был участник гражданской войны Гавриил Силин, которого расстреляли колчаковцы. Мужья прабабушек Михаил Курбатов и Сергей Дроздов погибли на фронте в годы Великой Отечественной войны. Прабабушка Татьяна работала в селе Пировском учительницей в годы войны, занималась также просвещением взрослых.

Моя родная прабабушка Анастасия работала в сельском хозяйстве. В разные года она заведовала районным земельным отделом, была агрономом машинно – тракторной станции, зав. семенной лаборатории. Она была ветераном труда, награждена медалью «За освоение целины».

Вклад в образование и культуру нашего села внес мой дед Щербачев Анатолий Семенович, он десять лет учил пировских детей истории. Бабушка Силина Татьяна Анатольевна работала корреспондентом, ее статьи представляют в том числе и историческую ценность – она создала ряд краеведческих статей, представленных в подшивках газеты «Заря».

Таким образом, изучая историю семьи, я узнала много об истории малой родины и всей страны. А также поняла, что моя семья связана с общенародной историей, и каждый из моих предков сыграл свою, пусть маленькую, роль в ее движении.

Цель: исследовать трудовой и семейный пути моих предков.

Задачи: изучить архивные данные, касающиеся моих предков;
изучить воспоминания моих предков о жизни семьи;
проанализировать полученный материал;
нарисовать родословное древо;
записать историю моей семьи.

Объектом исследования является отдельная семья в рамках истории села.

Предметом исследования выступает жизнь семьи Давыдовых - Силиных от начала 18 века до наших дней.

В моем исследовании применены методы интервью, анализ архивных материалов и газетных публикаций. Я просмотрела для этого семейный архив, альбомы районной библиотеки, районного архива и собрание школьного музея. В приложении публикую воспоминания прабабушки Татьяны Григорьевны Силиной о жизни в селе Пировском, о работе в школе. Мое исследование можно использовать на школьных уроках по краеведению, для изучения истории Пировского района, например, быта крестьян в 19 веке. Считаю, что использовала достоверные источники. История семьи изучена мной хорошо, но, конечно, остаются «белые пятна», которые я бы хотела заполнить.

Глава 1

ТРУДНЫЙ ПУТЬ СИЛИНЫХ И ДАВЫДОВЫХ

1.1 Наши прародители

У моего прапрапрадеда Кондратия Давыдова был сын Марк. Дом прапрадеда Марка Кондратьевича Давыдова стоял в самом центре села Пировское, на том месте, где сейчас располагается пирожковая Натальи Мамонтовой. Учитывая, что дом располагался на берегу, я предполагаю, что мои предки были одними из первых поселенцев в селе Пировском. В семье Марка Кондратьевича Давыдова было много детей – трое дочерей и двое сыновей. Моя прапрабабушка Хиония Марковна Давыдова была самой младшей. Она рано осиротела – мать ее умерла, когда девочке было полтора года. Вот какие воспоминания записала ее дочь Татьяна Дроздова, в девичестве Силина.

«Мать моя осталась сиротой в полтора года. Всего детей было пятеро - три девки и два парня. Да жила с ними сестра отца, увечная Евлампия, рука колесом. В деревне звали Панеей. Меня и так дразнили: Панея – клюка. А я ту Панею и не знала.

Жили незавидно. Потом старшие дочери вышли замуж, а парни лет в 17 - 18 умерли. Остались втроем – Хиония с отцом Марком и Евлампия.

Отец начал «кружать», то есть мешаться умом. Сажали на веревку. В стене была дыра, крюк, после уж заштукатурили. О хозяйстве думать было нечего. Восемь раз мешался. Идет по улице, останавливает встречающих, просит показать, есть ли крест, заставляет читать молитвы. Последний раз его ловили; навстречу ехал мужик с бочкой воды, в бочке лежала обледенелая лейка. Он этой лейкой стукнул – и конец.

Остались двое, мама зарабатывала на чужих полях. Ей было 25 лет. Пришел папа, ему было 20 лет. И мать привел. Жили бедно, дети рождались и умирали года в два, три с половиной. Я осталась девятая.

Время идет, помощников нет. А мать не была помощница. То брюхата, то с родин. Один раз на поле родила двойню. Папа акушерил. Всего родила 14 человек, осталось в живых трое.

Я стала подрастать, отец начал таскать меня за собой. То пилу хоть держать, то щепки собирать. Он один топором нарубливал 20 сажень дров. Маму жалел.

Вот так и жили: работал один, часто неудачи, как назло. То падет помха (роса), а соседние поля не тронуты, то падет скотина. В общем, бился как рыба об лед.

Стал активистом кресткома (крестьянского комитета – авт.), вступил в кредитное товарищество. Ездил на выставку, привез новый сорт пшеницы – голоколоску. Получилось. Его стали звать «культурный хозяин». Подрастала сестра Анастасия, она тоже боронила.

Мама была рукодельница – шила, вязала, набирала наборы, плела замысловатые пояски, ткала личинки. Я многому у нее научилась. Вот не вспомню, как она плела круглый поясок по горлышку бутылки, готовая часть спускалась в бутылку. Личинка – из хвоста лошади брали длинные волосы и на станке делали сетку, которую потом использовали на сито или накомарник.

Мама в девичестве по обету (обещанию) ходила в Иркутск. Там были мощи святого Софония, так поклониться мощам. Собрались несколько человек, и пешком. На обратном пути до Красноярска доехали на «чугунке», то бишь поездом. В деревнях богомольцев встречали хорошо, давали ночлег, кормили и на дорогу снабжали. Эта одиссея длилась девять недель.

У мамы был дядя по отцу, Никита. Он служил в армии 25 лет - в Чите, со слов мамы Хионии Марковны Силиной. Затем добирался до дома год. Останавливался в деревнях, работал, так как денег на дорогу не давали. Домой пришел к разбитому корыту, уставший, больной. Поселился на заимке, жил с собакой по имени Музгарка. Похожий сюжет Д.И.Мамин – Сибиряк использовал для своего рассказа «Зимовье на Студеной».[1]. Но точно не известно, на какой реке зимовал и был проводником Никита Кондратьевич Давыдов. Достоверность этого предположения, что он был прототипом героя из рассказа Мамина - Сибиряка невелика.

Сохранились воспоминания Татьяны Григорьевны Дроздовой и об отце, Григории Перфильевиче Силином. Он был рожден в семье Перфилия (Порфирия) Силина и Ольги. Григорий, как и его братья и сестры, рос в нищей семье, без отца, с детства много и тяжело работал. Об этом тоже писала дочь Татьяна.

«Отец – уроженец Нижнего Тагила, пермяк. Меня в детстве дразнили «пермяк – солены уши». Было обидно. Его отец работал слесарем. Каким-то образом с семьей, пятеро детей, оказался в селе Зайцево Казачинского района. Там и умер. Жена с пятью малолетними пошла по миру, оказалась в Пировске - нищенка.

Папу отдали в борноволоки (то есть таскать борону на полях – прим. авт.) ему было 7 лет. Так началась его батрацкая доля. Сестру отдали в няньки. Люди жалели нищенку мать, Слесарихой звали. Еще на моей памяти папу называли Гриша Слесарихин.

Подрос папа, стал работником. Работал у купца, однажды ездил на золотые промыслы, но неудачно. Жил в работниках в крепкой семье, где было три дочери и трое сыновей. Один был белогвардейский офицер, он в Пировске не показывался. Хозяин дома, отец, Исак, был бит плетями колчаковцами. Его я не помню». Сохранилась фотография, на которой Григорий Силин предстает в гвардейской форме царской армии. Он служил в Петербурге в годы революции, в Семеновском лейб – гвардии полке. Скорее всего, это фото относится к 1917 году. На обороте фото стоит клеймо фотоателье: «Петроградъ».

Прабабушка, сестра Татьяны, Анастасия Григорьева Силина оставила воспоминания:

«Предки по линии Силиных - выходцы с уральского медеплавильного завода. В 1978 году завод сгорел и часть рабочих согласилась ехать в Александровский централ Иркутской губернии. Семья была - две девки - Дарья, Прасковья. Были и парнишки. Двое в дороге умерли. Григорий родился в 1882 году в деревне Овсянке, до места назначения они не доехали

и завернули в Пировск Бельской волости. Тут года через два родился сын Гаврила. Отец слесарничал. Старшая дочь Дарья Перфильевна вышла замуж за крестьянина Петра. А Прасковья - за крестьянина Раменского Сысоя. Дом их был в Пировске по улице Мичурина. У Дарьи Перфильевны были двое детей - сын и дочь. Сын Александр пропал без вести в империалистическую войну. Василиса Петровна умерла в преклонных летах. Потомки жили в Норильске. Никифор Сысоевич имел сына и дочь, прошел войну, умер в Норильске. Васса Сысоевна вышла замуж в Казачинский район, в деревню Мокрушинское.» [2]

1.2 Погиб за революцию

Из этих коротких воспоминаний можно понять, что мои трудовые предки жили в бедности, лишнего куска хлеба у них не было. Поэтому, когда случилась революция, они положительно восприняли ее идеи: «Власть – Советам, мир – народам, земля – крестьянам». Брат нашего прапрадеда Гавриил Перфильевич Силин, рожденный в 1890 году, представлял в селе Пировском революционную власть, но недолго. Он погиб от рук карателей – колчаковцев в 1919 году. Об этом напечатано в районной газете «Заря» со слов дочери Гавриила, Анны Гавриловны Силиной:

«Он бесстрашный был, наш папа. Недаром с первой мировой войны пришел с двумя Георгиями, хотя и был весь израненный, на костылях.

Шел февраль 1919 года. В тот день большевики собирали подпольное собрание. Оно еще не закончилось, как в село ворвался карательный отряд. Белогвардейцам удалось схватить большевика Бородачева Еремея Тимофеевича. Тут же его и расстреляли. Отцу и другим его товарищам удалось скрыться. Он пришел домой поздно, уже ночью.

- Надо уходить. Собери мать, котомку, поешь чего-нибудь, а я оружие проверю, да лыжи налажу.

Баба Оля, мать папы, начала собирать сухари. Папа, увидев нас, двоих своих девчушек, разметавшихся во сне, вдруг о чем-то глубоко задумался.

- Идти? А с вами что будет? Замучают ведь вас за меня казаки. Нет уж, видимо, не судьба. Переночую у Коробейниковых, а там посмотрим.

Но беяки уже искали отца. Чей-то подлый взгляд заметил, когда отец заходил к Зиновию Карповичу Коробейникову. Казаки перерыли весь дом и нашли папу. Перед тем, как уйти, он попросил разрешения попрощаться с родными и переодеться. Ему позволили.

Помню, посадил он нас на колени. Лизу на одно, меня на другое, по головкам погладил и все что-то приговаривал тихонько.

Рыдали в голос мама и баба Оля. Потом он обернулся к плачущей маме:

- Как бы ни было трудно, если убьют меня, придет все равно новое время.

Пусть дети учатся, хоть маленько, чтобы грамотными были, не как ты.

Отца увели. Его били, допрашивали, он молчал. Его повели на расстрел, он молчал. И только когда ружья уже были направлены прямо на него, крикнул:

- Всех не убьете! Нас много!

Возле маслозавода нынешнего растут две елочки. Вот под одной из них его и убили. Сначала в левое плечо пуля попала, но отец стоял. Тогда казаки начали штыками колоть, палить без разбора, пока он не упал. Андрей Иванович Воробьев, он в охране тогда стоял, все это видел. Отец еще кистет тогда нам с ним передал.

Так вот не стало нашего папы, 29 лет ему было в ту пору. Высокий он был, полный, красивый». [3]

В газете «Заря» указано, что Гавриил Перфильевич Силин похоронен в селе Пировское. Для семьи моего прапрадеда это стало большим горем. Гавриила Силина любили, племянницы звали его «лелькой», и он был при жизни частым гостем в доме. С этой утратой так и не смирились прабабушки до глубокой старости. Огорчало их и то, что продолжения фамилия не получила. Следующее поколение Силиных – Давыдовых было женским.

У Гавриила остались три дочери Силины - Анна Гавриловна, Елизавета Гавриловна и Мария Гавриловна, ныне покойные.

1.3 Силины и их потомки - дети XX века

В семье Григория Перфильевича выросли три дочери. Это наши прапрабабушки. Всего у Григория и его жены Хионии было 14 детей, выжили три сестры – Татьяна (1915 - 2005), Анастасия (1919 - 2001) и Анна (1924 г.р.). Дети умирали в младенчестве из-за трудных условий, потому что в страдную летнюю пору мать не имела возможности ухаживать за маленькими. Нередко умирали от болезней – «от живота» или поноса, «от глотошной» - от ангины. Так названы причины смерти детей в церковных метрических книгах, датированных 1800-ми годами, которые хранятся в районном архиве.

Выжили три младшие дочери. Все они получили образование. Татьяна и Анна стали учителями, Анастасия – агрономом.

В предвоенные годы старшие сестры вышли замуж. Мужа Татьяны звали Дроздов Сергей Васильевич. Он ушел на фронт в 1941 году. В составе 126 Горловской стрелковой дивизии попал под Сталинград, участвовал в обороне рубежа Абганерово 29 августа 1942 года. Был пленен и погиб в Бухенвальде в декабре 1942 года. Без отца выросли сыновья - Дроздов Виталий Сергеевич (рожденный в 1937 году), Анатолий Сергеевич (рожденный в 1939 году, умер в 2013г).

О судьбе и трудовом пути моей родной прабабушке Анастасии Григорьевне Силиной, я хочу рассказать подробнее. Мужем Анастасии стал Курбатов Михаил Неофидович (1919 - 1944) у них родился сын Геннадий (1941 - 1968). Михаил Неофидович был до войны учителем в Пировской школе, ушел на фронт и пропал без вести. Она овдовела очень рано, и эту утрату сердечно переживала до последних дней. Но надо было жить и работать, специалист - агроном был в районе очень нужен, и прабабушка много трудилась, была заведующей районным земельным отделом.

Становление сельского хозяйства проходило на глазах прабабушки, она внесла большой вклад. Она часто рассказывала о довоенных и военных годах, что весь район изъездила верхом. Когда начинались полевые работы,

ее обязанностью было следить за земледелием во всем районе. И она садилась на коня и отправлялась поочередно на все колхозные поля. В то время в районе было 47 колхозов! Дороги были плохие, села отдалены друг от друга, и прабабушке приходилось неделями путешествовать от одной деревни к другой. Она была очень доброжелательным человеком, но умела настоять на своем, и работу исполняла добросовестно. Она учила колхозников правилам земледелия и следила, чтобы рекомендации выполнялись.

Прабабушка А.Г.Силина первая посадила в Пировском яблоневый сад. Об этом до сих пор ходят легенды в нашем селе, ведь у нас очень холодный климат, зимой морозы ниже 50 градусов, и плодовые деревья не растут. В 50-х годах дети не знали, что такое конфеты, жили бедно, питались скромно. А хотелось их побаловать хоть чем –нибудь. И при поддержке директора МТС, Героя социалистического труда П.Н. Николаева, коллектив машинно – тракторной станции принял решение разбить сад. Моя прабабушка была к тому времени агрономом МТС.

Разбивку сада делала своими руками и с помощью других работников. Завезли саженцы низкорослых стелющихся яблонь, вокруг сада посадили ели для сдерживания северных ветров. На зиму яблони укрывали снегом. И сад поднялся, зацвел и дал урожай. Ароматные невиданные в нашей деревне плоды хранили до Нового года, а к празднику фрукты раздавали детям в подарках. Это было настоящее чудо для того времени. Сад был гордостью коллектива МТС в течение почти 20 лет. До сих пор о нем напоминает хвойная аллея на улице 1 Мая. Помнят и мою прабабушку, особенно старожилы, помнят во всех деревнях и селах нашего района.

Дочь Татьяна родилась у прабабушки Анастасии Григорьевны в 1952 году. Это моя бабушка. Ее отец Ищенко Анатолий Иванович, фронтовик, за какие-то грехи сосланный в Пировский р-н. Татьяна Силина вышла замуж за Щербачева Анатолия Семеновича (1952 г.р.) и появились на свет дочери: в 1975 году - Анастасия, моя мама, в 1984 году -

Александра.

Анна Григорьевна Силина, вышла замуж за Дудкова Александра Павловича (1923 - 2000). Он прошел всю войну, был ранен, дошел до Берлина, имел боевые награды. У этой семейной пары детей не было. Из наших прабабушек здравствует Анна Григорьевна Силина. Она работала учителем начальной школы в Эвенкии, в деревне Оскоба с 1948 по 1986 год. Бабушка была хорошей учительницей.

Вот что писали о ней в газете Туруханского района: «Особым уважением оскобчан пользовалась приехавшая Анна Григорьевна Силина, приехавшая сюда в 1948 году совсем еще молодой девчонкой. 36 лет своей жизни отдала Анна Григорьевна Оскобе. Не одно поколение ребятишек воспитала. На пенсию она ушла в 1986 году».

Прабабушку Анну очень любили ученики. И неудивительно – она сама доброта. До сих пор бывшие школьники навещают ее, пишут письма и шлют открытки, хотя Анна Григорьевна давно не работает в Оскобе. В настоящее время бабушка проживает в г.Абакане.

НАША СЕМЬЯ СЕГОДНЯ

Самая старшая в нашей семье – Анна Григорьевна Силина. Она с большой любовью относится ко всем внукам и правнукам, поздравляет с праздниками, с днем рождения, и мы ее тоже.

В нашей большой и дружной семье и сегодня трудятся все взрослые. Расскажу о бабушке и дедушке.

Мой дед Анатолий Семенович Щербачев закончил исторический факультет Красноярского педагогического института. Работал в Пировской средней школе с 1975 по 1985 год. С 1986 по 1987 год был инструктором отдела пропаганды райкома партии. С 1988 года - учитель истории в Назаровской средней школе №4. С 1997 года – директор средней школы № 11 в городе Назарово. А.С. Щербачев – Почетный работник общего образования РФ, ветеран труда.

А.С.Щербачев вспоминает годы работы в Пировской школе с удовольствием: «Первое и главное в любом деле – люди. Коллеги составляли работоспособный прекрасный коллектив, который положительно влиял на жизнь села Пировского, был интеллектуальной элитой, центром притяжения для других умных, эрудированных людей.

Средних школ в районе было мало, в основном, старшеклассников привозили в райцентр, и они в течение недели жили в школьном интернате. Некоторые учителя, в том числе и я, работали в интернате воспитателями. Трудовой день начинался в 6 часов утра – надо было разбудить ребят, проследить, чтобы пошли в школу. Затем провести уроки, после обеда помочь интернатским воспитанникам выполнить домашнее задание. Небольшая передышка, и в 6 часов вечера начинались занятия в вечерней школе, которые завершались примерно в 10 часов вечера.»[4] Кроме этого, приходилось порой и снег чистить, и уголь в котельной в топку кидать – дедушка рассказывал, что кочегары нередко

уходили в запой. Но в коллективе работали крепкие мужчины, физическая работа никого не пугала, и уж тем более, не считалась зазорной.

Моя бабушка Татьяна Анатольевна Силина с 1975 по 1990 годы работала в редакции районной газеты «Заря» корреспондентом, а потом заместителем редактора. Потом она с детьми переехала в Сосновоборск. Там работала в редакции. В последние 10 лет

трудится в городской администрации, работает с населением по государственным жилищным программам. При ее помощи более 800 семей – переселенцев в Севера, молодых семей города Сосновоборска получили субсидии на приобретение жилья и обзавелись новыми квартирами. Ее не раз награждали благодарственными письмами Главы города.

Бабушка хорошо пишет на любые темы, много читает, интересуется историей. Она умеет хорошо шить, вязать, у нее прекрасный вкус.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя исследование, я узнала много нового об истории своей семьи, своего района и страны. Главное, что все мои предки были честными тружениками, они много работали. Куда бы ни заносила их судьба, везде трудились на совесть.

Каждый из моих предков оставил хороший след на земле. Это подтверждается воспоминаниями моих прабабушек, и в советский и современный период. Подтверждается многочисленными грамотами, благодарственными письмами в адрес каждого члена нашей семьи. Мои предки выучили сотни детей, растили хлеб, писали статьи о жизни людей, поддерживали общественные и исторические связи.

Мужчины из нашей семьи ушли на фронт, многие не вернулись, отдав жизни за спасение нашей Родины. Но никто не допустил подлости и предательства. Обо всех погибших и ушедших в мирное время мы помним, храним их фотографии и документы и записи.

В мирные и в военные годы все члены моей семьи вносили и вносят большой вклад в развитие и благосостояние нашей страны. Если каждая семья, каждый человек так, по кирпичику, из века в век, из года в год будет трудиться, то наша страна станет самой лучшей на планете.

Моя семья состоит из грамотных достойных людей, я этим горжусь.

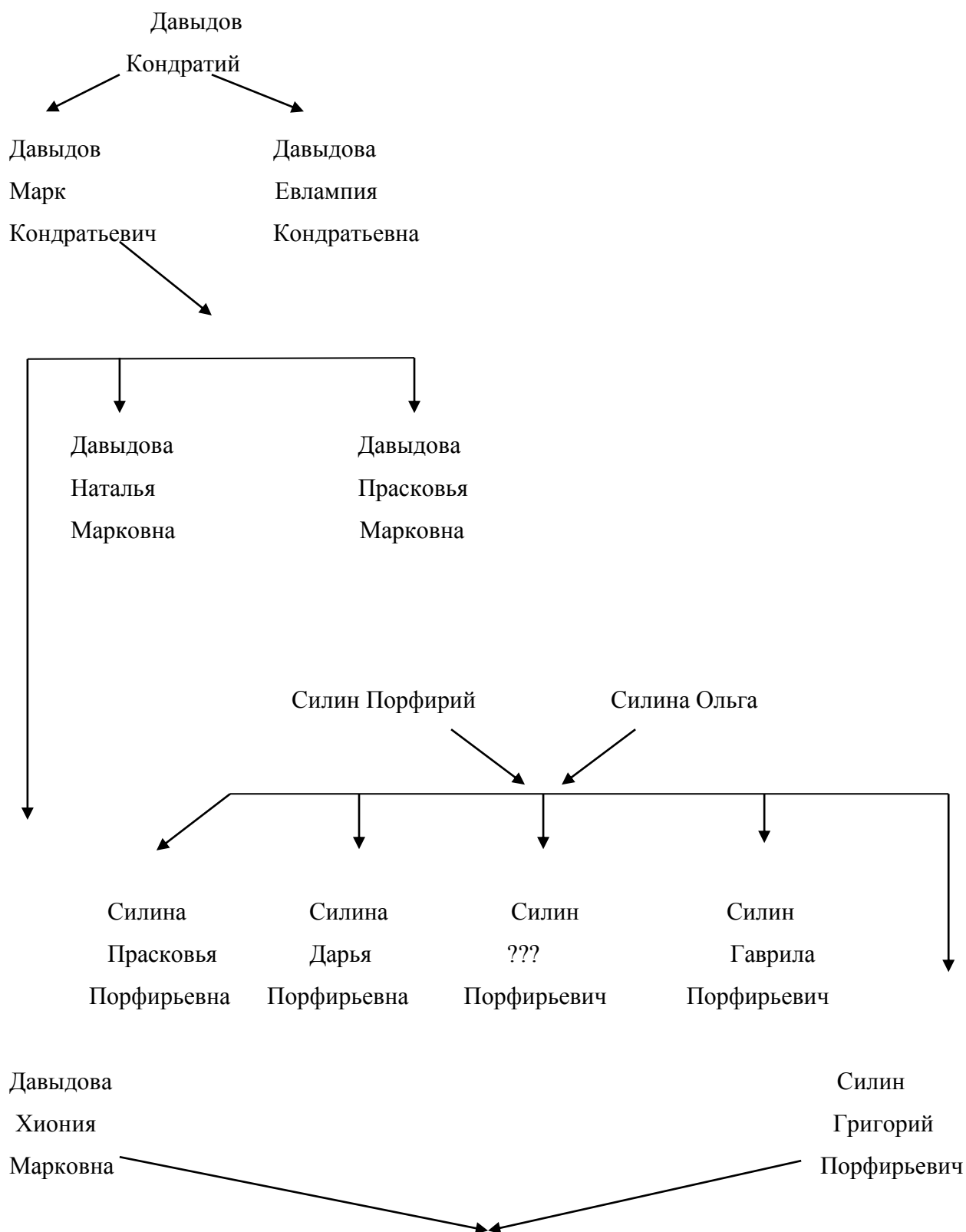
Список литературы

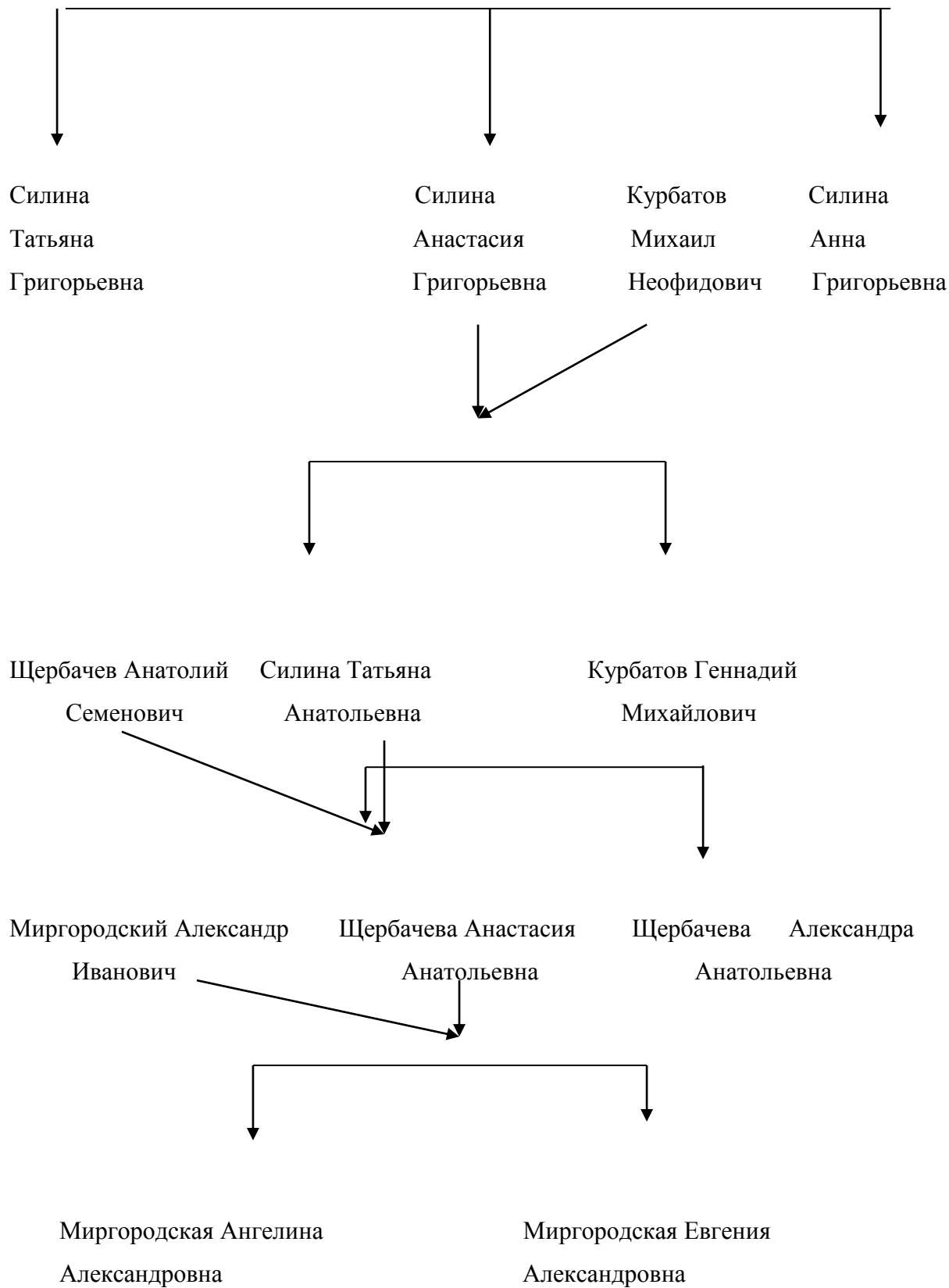
1. Воспоминания Т.Г. Дроздовой
2. Воспоминания А.Г. Силиной.
3. Силина Анна Гавриловна. Слово о моем отце // Заря. 1984. №26. С.3.
4. Воспоминания Щербачева А.С.
5. Альбом районной библиотеки «История села Пировского» №3.
6. Семейный архив Давыдовых – Силиных.

Приложения

Родословное древо

Миргородской Евгении Александровны

Петроградская фотография моего прадеда.

Силин Григорий Перфильевич справа.

Давыдовы Хиония Марковна(справа) и Наталья Марковна (слева)

Сестры Силины: Татьяна, Анастасия и Анна (слева направо).

Александр Павлович Дудков, фронтовик, муж Анны Григорьевны Силиной.

Фото сделано в Германии или в Польше, 1945 г..

Почетная грамота, которая вручена моей прабабушке Т.Г.Силиной – Дроздовой в 1946 году.

На руках у бабушки и деда – моя мама.

Моя семья сегодня

Т.Г.Дроздова

Воспоминания о старине

О жизни молодежи

Парни. Зимой возили дрова, сено и снопы. Не только парни, конечно, но и мужики. Чистили навоз и вывозили за деревню. С полей возить было тяжело. Сначала едут топтать дорогу к зароду, скирде, дровам. Целый день ездят вперед – назад. Назавтра уже едут за кладью.

Снопы завозили на гумно, сушили в риге, потом молотили. То, что входит в ригу, называлось насадкой. Сухие снопы раскладывали в два ряда колосьями друг к другу и молотили цепами. От двух до пяти человек, сколько есть в семье работников. Молотили и женщины. Это было искусство, уметь чередовать удары, получалась своеобразная музыка.

Я тоже несколько раз с папой молотила, но я еще была девчонка. Папа иногда приглашал кого-нибудь, а иногда водил по колосьям коня.

Измолотят насадку, проголодаются, поедят, как следует. Сложилась присказка, если кто хотел есть: «Ты что, от насадки?»

Затем убирали солому, собирали зерно и веяли, здесь больше женщины.

Девки и женщины. Раньше сеяли лен и посконь. После уборки зерновых ставили в шиш просохнуть. А как просохнет, мочили несколько дней, затем вынимали, расстилали сушить, а после собирали в снопы и вывозили на гумно. Сушили в риге.

Начинали извлекать волокно. Сначала мяли, были станочки такие – мялки.

Трепали – были трепала, длинные лопатки на ручке. Трепали на левом колене, на твердом фартуке, сбивали кострику и верхнё с волокна.

Получались отрепья. На них обычно учились прясть девчонки.

Чесали. Чесалка, как прялка с сиденьем, но сантиметров на 30 выше набивалась доска 30 на 30 см, а то и больше. На этой доске были набиты гвозди остриями вверх. Вот сидя женщина и чесала по горстям. Отходы назывались очески. Здесь кострики почти не было.

Пачесали. Из свиной щетины делали щетку, щетину соединяли еловой серой. Отходы – пачесы, они чище очесок.

После такой обработки оставались чистые волокна, из них пряли нитки, покупных не было. Ткали скатерти, полотенца, на рубашки. Из пачесов и оческов ткали более грубые ткани, а из отрепьев – мешки и половики.

Пряли зимними вечерами, весной ткали холсты. Как пройдет лед, потеплеет вода, белили холсты. Конец метров 10 – 15 складывали гармошкой, мочили, и колотили на мостках вальками. Затем расстилали на берегу. Высохнут – снова мочили. Так с утра до вечера в продолжение семи – десяти дней. Берег был чистый, на нем хорошо смотрелись холсты.

Бывало, прибежали парни, путали холсты, а девок кидали в воду, купали.

Шум, визг, но весело было.

Парни и мужики в это время года рубили дрова, ремонтировали поскотину.

Село было огорожено, за каждым хозяином закреплен участок городьбы.

Готовили поля к посеву, а там сенокос, жатва – все вручную.

Зимние вечера и праздники

Были черные (рабочие) вечерки и красные вечерки.

Черные – девки с прялками собирались в доме по очереди. Сегодня у одной девки, завтра у другой. Иногда какая-нибудь вдова пускала на весь сезон, за плату. Вечер продолжался до первых петухов, это до часу ночи. Часов-то не было. Пряли с песнями. Кто больше спрядет, выявлялись удалые.

Парни сидели на полу, играли в карты, тоже пели. А то девок по очереди волокли в свою кучу и тискали. Выйдет, бедолага, красная, растрепанная. Домой уходили парочками. Иногда парни воровали веретено с пряжей и разматывали по заборам. Все было чисто, без пьянок и вольностей.

Если девка провинилась, ей дегтем мазали ворота.

Красные вечерки

Обычно в нардоме (народный дом – подобие сельского клуба) в праздники играли в «Третий лишний», «А мы просо сеяли». Ходили хороводом и пели: «Смело, товарищи, в ногу», «Мы кузнецы, и дух наш молод», «Белая армия, черный барон», «Каховка», «По долинам и по взгорьям». Плясали,

танцевали. Ставили самодеятельность. Репетицию хора называли спевкой, а музыкальных номеров – сыгровкой. Так жили и веселились. Без выпивки!

В Масленицу, Крещение катались на лошадях. Для этого были особые кошовки, нарядная сбруя с бляхами и шаркунцами, резная крашенная дуга с колокольцами. Ездили с песнями.

В святки гадали. Гаданья были разные. Поленья воровали, воск топили, блюдце двигали и так далее.

В это же время и свадьбы играли. Бывало, девка убегом выйдет за парня – вечером убежит. Назавтра родители жениха идут к родителям невесты руку брать (мириться). Состоится рукобитье, готовят свадьбу. Девичник соберется – шьют, вяжут для приданого, поют. Я однажды была на девичнике.

Летом собирались на мосту – одна часть на одном конце, другая напротив. Девки нарядные, пели, плясали, шли по улице с песнями, ходили воротцами (как в игре «Трубочист»).

У домов растений не было, ни кустика. В Троицын день ставили у каждого дома березку, получалась зеленая улица. И вот по этой улице ходили девки воротцами, одетые во все лучшее. А какие были девки! Упитанные, румяные, грудастые! Так собирались где-нибудь на бревнах, пели, вели беседы. В то время еще не было радио.

Крестьянская жизнь

Наступили 1925 – 1928 годы. Менялась жизнь. Появились кресткомы, кредитные товарищества. Стали вскладчину покупать плуги на замену сохи, молотилки, сенокосилки, жатки. Наш отец да еще четверо хозяев вскладчину купили американскую жатку самосброску марки «Мак - Кормик». Стали выписывать новые сорта пшеницы, породистых овец, поросят. Если в хозяйстве было много работников, оно быстро набирало силу.

Появилась техника, работать стало веселее. В Светлицке братья Бурых даже собирались купить трактор. Собирались, но не успели – раскулачили и выслали на Север. Помню, как радовался отец, что машина, жатка самосброска «Мак - Кормик» облегчает труд. Запрягали трех лошадей: две в

паре и одну «гусем» впереди. На ней сидел подросток и правил, я так ездила. Поля жали по очереди, жатка была куплена на шесть хозяев.

Был случай. Папа был занят в кресткоме (крестьянском комитете). Мне пришлось бороться в три уповода (смены). Андрей Раменский, отец Михаила, этим ведал. Дело было в конце лета, когда готовили пахоту под пары на весну и сеяли озимые. У нас была кобылка Игреньюха, ленивая. На завороте ложилась как овечка, я ее поднять не могла. Слезала, поводом поднимала, а залезть на нее не получалось. Так и водила в поводу, пока папа не подойдет и не поддаст кобыле, а на завороте все повторяется.

На этот раз Андрей залез на кедр, Михаил спал под березкой. Вдруг откуда ни возмись, набежала небольшая тучка, раздался единственный удар грома, но сильный. Я сидела на Игреньюхе, во вторую борону был впряжен молодой трусливый конь. Он испугался и пошел, рванула и передняя. Остановить не могу. Андрей кричит, чтоб слезала и убегала. Кони понеслись, он за ними. Как я не попала под борону! Проснулся Михаил, плачет: «Таня, я боюсь!» Идем по тропинке, в избушку, я закрыла глаза, читала молитвы.

Лошади прибежали, бороны разломали. С тех пор я долго боялась грозы. Как-то раз еще папа запряг впристяжку того пугливого коня. И как заработала машина, завертелись грабли, конь испугался, взбаламутил коренника, побежали! Машина работает, грабли машут, вдруг порвалась вожжина. Хорошо, что папа сумел своротить на пахоту, там машина застряла. Больше этого коня и не запрягал.

Избушка наша стояла на косогоре, кругом березовый лес, много было грибов. Под горой бил родничок. Была вырыта яма, обложена гольцами. Вода чудесная... Исчез тот родничок. Покойный Михаил пытался отыскать, но увы. Бывало, вечером сидишь в избушке – тишина, на окне гудят комары, в лесочке брякает ботало, кони пасутся.

Как-то собирали малину. По большим праздникам, в субботу ехали домой, мылись в бане и возвращались на ночь. Утром вставали и шли собирать ягоду. На межах ее было много, не тронута. Собираем, из села доносится

колокольный звон. Какие звонкие были колокола. Последний колоколец был в Солоухинской школе в мою бытность там, пока не сделали электрический звонок...

Соберем малины ведра три. Спелая, сладкая, не то, что садовая. А что с ней делать? Денег на сахар нет, продать некому. Ели с молоком, да мама сушила на капустных листах в печи. Зимой годилась. Сейчас бы такое!

Молотили мы на молотилке. За гумном площадка, на ней двигатель, от него слеги. У слег кони, за ними подросток погонять. Я много раз так гоняла.

Ходишь по кругу, у барабана машинист, он толкает снопы в барабан, с другого конца вылетает мятая солома и зерно. У барабана женщины с граблями отбрасывают солому (пары две – три). Я тоже трясла солому. Если машинист проворный – берегись.

Частушки тех лет:

Я не стану к барабану,

Много пыли, копоти.

У моего у миленка

Одна шуба лопоти*.

* * *

Кто-то едет, кто-то едет,

Кто-то жердочки везет.

Мил поскотину городит,

Мне проехать не дает.

* * *

Милый пашет, ручкой машет,

Я не знаю, чо к чему.

Мне подруженька сказала:

Ты беги скорей к нему!

*лопоть, лопотина - одежда

ВСПОМНИЛАСЬ НАША УЛИЦА – ЗЕЛЕНАЯ

Широкая, чистая, в Троицын день уставленная зелеными молодыми березками. По улице идут «колодцем» девушки, нарядные, здоровые, жизнерадостные и поют – поют весело.

А женщины обычно на лавочке судачат. У них теперь теперь двойное имя: добавлялось имя мужа. На нашем углу и за углом, на Могильной улице, жили женщины с такими именами. Лепестинья Никитиха (муж Никита), Настасья Федиха (муж Федор), Пелагея Левиха (муж Лева), Аглея Федотиха, Матрена Филимониха, Фиена Гришиха (наша мама, муж – Григорий), Настасья Зениха (муж Зен, Зиновий), Устинья Колиха (муж Николай), Анфица Антошиха, Устинья Федиха, Марфа Игнашиха, Лукея Андрюшиха, Дуня Колиха, Надежда Егориха, Акулина Ваниха и т.д. Что стало с нашей улицей? Внуки сказали, что теперь ее не узнать... Время, время.

ИЗ ДЕТСТВА

Кончив 4 класс, я должна была поехать в Енисейск в ШКМ – Школу крестьянской молодежи (позднее колхозной). Папа уехал на охоту за Никольск, а отец подруги обещал нас увезти на нашем коне. Но увы, она уехала, я осталась. Пока вернулись лошади, папе преподнесли план хлебосдачи больше ста пудов. Выручил двоюродный брат Андрей Сысоевич Раменский. Меня направлял коногоном к соседям, кому надо рабочего. Таким образом я заработала необходимое количество людей, и молотилку поставили к нашим скирдам. Измолотили, провеяли. Он на две телеги положил мешков, я поехала в мангазеи. Это были двухэтажные склады. Там добрые дяди выгрузили, оформили квитанции. Поехала во второй раз. В поскотине телега колесом задела. Не могу освободить, плачу, нос разбила, мешки в крови. Подъехал мужик, помог мне. Добралась благополучно. Мангазея была, где сейчас улица 1 Мая, там затем поставили дом Фиряго. Следовательно, ШКМ «улыбнулась», пришлось повторно ходить в 4 класс.

ЕНИСЕЙСКИЙ ТЕХНИКУМ (1932 – 1935гг)

В техникуме было три отделения: русское, татарское и народов Севера. Назывался он русско-туземный техникум. Тогда были татшкола, татклуб - татарские. Многие посещали. В первую зиму учебы общежитие было в татарской мечети, там было особенно плохо, ибо было сильно холодно, зима была суровая – вода в здании замерзала. Большой зал, у стен – топчаны. На ночь делали складчину из трех топчанов. Человек пять ложились, набрасывали сверху, что только можно, крайние чередовались. Утром мало-мало умывались и бежали в столовую отогреться. Любили мы по винтовой лестнице забираться на чердак. Стоя под полумесяцем, смотрели на город. Придумали свой адрес: улица Богграда, ломана ограда, дом татарииата, дети пролетариата.

Потом жили в бывшем складе «Заготзерно», где мыши по нам бегали. Жили в еврейской синагоге, наверху – общежитие, внизу – мастерская, где мы делали табуретки. Моя получилась хуже всех.

Трудности переживались. Стипендия 20 рублей, из них высчитывали на питание, нам давали талоны. Чтобы сходить в кино, продавали талон на обед, а сами голодом.

Родители помогать не могли, иногда пришлют мороженого молока и калачей. Вот и все, денег дома не было.

Года через два приехали туземцы. Им были привилегии. Им давали 800 граммов хлеба, а нам 300 граммов.

В эти годы в домзаке (тюрьме) было много артистов. Они ставили пьесы. В тюрьме репетировали, а на генеральную репетицию под конвоем привозили в гортеатр. Ставили пьесы Островского, «Горе от ума» Грибоедова. Билетов было не достать, но ухитрялись.

К выпуску курса в 1935 году нас осталось 14 человек, 4 ребят. А какие были ребята! Курс был дружный. По окончании нас разбросали, в основном, по Северу. В Байкит, в Ванавару, в Туру, в Игарку, в Дудинку, в Туруханск, в Енисейск.

* * *

Народное образование искало новые методы обучения и воспитания. Эксперименты отразились на нашем поколении. В чем они состояли? Самостоятельное обучение. Класс разбивали на группы по 5- 6 человек – бригады. Рассаживались по углам, чтобы не мешать друг другу. В центре за столом садился преподаватель. Группы работали самостоятельно, если возникали вопросы, подходили к преподавателю. Работали, в основном, сильные ученики. «Проработали» задание – шли к столу отвечать, в основном, те же сильные в учебе ребята. Оценку получала вся бригада и она освобождалась, шла гулять, пока пройдут два урока. Это потому, что такие занятия были сдвоенными, объединялись два класса. Помню, на физике мы по две темы осваивали за эти два урока и далеко ушли от класса. Тогда учительница стала нас отпускать, чтобы сократить этот отрыв. Так мы гуляли четыре раза по два урока. Можно представить, какие знания получали, особенно слабые ученики. Когда отменили этот метод, многие отсеялись, остались, в основном, способные, сильные.

Было еще тестирование. Составляли вопросы теста, на которые должны были отвечать ученики. Нам, студентам, давали тесты и отправляли по домам к ученикам. Мы задавали детям вопросы, они отвечали, мы фиксировали ответ, определяли время ответа. Потом по этим данным определяли умственное развитие ребенка. Прямой абсурд. Когда проверили данные тестов, оказалось, много «глупых» учеников.

УЧИТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Я окончила курсы словесников 5 -7 классов в Красноярске в 1940 году, назначена в Пировскую среднюю школу. Район был большой – 46 деревень. Средняя школа была только в Пировске, и две семилетки – в Бельском и Бушое. Зарплата моя была 270 рублей. Были школы во многих деревнях, но кадры! Многие учителя имели всего 7 классов образования, совсем юные. Помню, на конференции прорабатывали учителя из деревни Доново за то, что он катался на коньках по дороге. Там стоял бык, так парнишка ухватился

за хвост быка, тот побежал, а за хвост держась, ехал учитель. Было смеху и шуму, юноша краснел до слез. Было ему 16 лет.

* * *

В военные годы я работала в Пировске. Школа была деревянная, на этом месте сейчас кирпичная. Ребят было много, дисциплина хорошая. Коллектив дружный. Директором был Константин Михайлович Цветков, он вскоре был взят на фронт, на войне погиб. Новым директором стала эвакуированная из Киева Полина Константиновна, фамилии не помню. Ее сменил С.И.Макаров. При школе был интернат, были лошади и овцы, так что сами учителя и ученики косили сено, был и посев. Часть учителей посылали на сельхозработы в колхозы.

Физруком работал комиссованный с флота моряк Павел Исаев. Мы его уважали за трудолюбие, любовь к своему делу. Он высоко поставил физкультуру. Были разные секции для девочек, девушек, мальчиков и юношей. Больше внимание уделял лыжному спорту, устраивал походы, соревнования. Готовил и самодеятельность – был джаз, выпускалась газета. Когда в районе проводились совещания, слеты, собрания, накануне звонили: «Павлик, там у тебя есть что-нибудь?» И Павлик давал программу. Был он хорошим художником. Для клуба нарисовал большой портрет Сталина, делал декорации. Но вот с ним случилась большая беда. Он дружил с массовичкой клуба, несерьезной девочкой по фамилии Бурнашова. И вот она узнала, что он проявляет интерес к другой и решила отомстить. Мы ставили в клубе пьесу, видели, что нарисованный им портрет стоит на полу у стены, и этим обстоятельством возмущались. Так вот, рассказывали, что эта массовичка подговорила техничку клуба облить портрет чаем, будто Исаев на него помочился, и заявила в НКВД. А там не замедлили – арестовали. Увели нашего Павлика, предъявили ст.58. Под конвоем привели в школу, устроили комсомольское собрание, подняли шум: «В рядах комсомола враг народа!» Из комсомола исключили, из профсоюза тоже. Но потом ст.58 заменили на более легкую и дали 2 года лишения свободы. Я видела, когда

его погнали в Енисейск в тюрьму. Шел он за подводой пешком, в бекеше и кубанке. Помахал мне рукой. И больше не пришлось встретиться. Посидел он год и умер в заключении. Так ни за что ни про что погиб прекрасный человек. Был он один сын у матери, отец погиб в гражданскую войну. А эта виновница потом спилась.

* * *

Очередная конференция, после нее банкет. Я в комиссии. Собрали складчину денег. На конференции - кого похвалили, кого ругали. Написали итоги и задачи на будущее.

Столовая готовила нам угощение. Было в районе начальство: первый секретарь Новиков, второй – Ковалев, председатель исполкома Шакиров. Пока мы заседали, «отцы» района пообедали в столовой за счет учителей. Потом с нами пообедали. И после пообедали, без порций. В результате у нас не хватило денег рассчитаться со столовой. Пришлось снова идти по кругу дособирать.

* * *

Начался учебный год. Словесника забрали в армию, на его место, учить 10 класс, поставили меня. Я боялась, что не справлюсь, стала отказываться.

Заведующая РОНО Дытля сообщила наверх.

Вдруг меня вызывает гроза района Новиков. Он не уговаривал. А сразу – кулаком по столу: «Так твою мать! Или ты возьмешь 10 класс, или я тебя отдам под суд!» Тогда это было возможно. Пришлось подчиниться, выхода не было.

Было трудно, нам не дали нужных знаний. Посоветоваться не с кем, никаких методик. Написала в Красноярск, в институт усовершенствования учителей, кое-что мне прислали, это и спасло. Пришлось много готовиться, благо, класс был небольшой – 11 человек, из них один хлопец. Обошлось благополучно, все сдали экзамен.

А к следующему году вернулся наш словесник Владимир Анатольевич Щербаков. Кончилась война, погибли коллеги Курбатов, Леонтьев, Хорсов. Попали на фронт и старшеклассники, тоже не вернулись многие.

УНТЫ

Далекое время – война. Я работала в Пировске. Однажды нас, учителей, послали по деревням переписывать учащихся. Добирались, кто как мог, шли пешком или с попутными. Я же взяла в школе лошадь, в милиции взяла седло, экипировалась, надела меховые унты, которые привезла еще с Севера. Заехала в Кириково, меня стали с лаем сопровождать собаки. У школы спешила, подвязала лошадь и размышляла, с чего начать. За это время собачий концерт становился все громче. Собак набежало десятка два, окружили меня, рычат, лают, вот-вот кинутся рвать. Но они не бросались, а просто лаяли. Стою, оцепенела, боюсь пошевелиться. Вдруг слышу женские голоса – бегут люди с палками, железками, кричат. Увидели меня, успокоились, а то думали, что забрался медведь.

Когда деревенские увидели мои унты из медвежьей шкуры, сразу сообразили, почему такой шум и лай. Дали мне другую обувь, и я спокойно обошла всю деревню. Вернулась благополучно. Коллегам рассказала о приключении, посмеялись. Но кто-то сказал, что собаки не бросились, глядя на мои испуганные глаза.